

критерии оценки деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и экономическими правонарушениями. Данный блок включает: критерии оценки деятельности органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований (6 показателей), критерии оценки деятельности органов прокуратуры (9 показателей), а также критерии оценки деятельности органов Комитета государственного контроля (исключая органы финансовых расследований) (5 показателей);

критерии оценки деятельности подразделений Следственного комитета (9 показателей);

критерии оценки деятельности государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями (9 показателей).

Как видно из анализа данного акта эти критерии представляют собой единую систему оценки деятельности государственных органов (не только правоохранительных) как по борьбе с коррупцией, так и экономическими правонарушениями. При этом учитываются реальная распространенность в обществе коррупционных и экономических правонарушений, а также эффективность принимаемых мер по противодействию им. Эти показатели сформированы с учетом необходимости повышения активности и результативности субъектов антикоррупционной деятельности по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений указанной категории, а также соблюдения законности этими органами.

Такой подход основывается на необходимости принятия мер по предупреждению коррупции и экономических правонарушений в системах этих органов и внутри организаций, в том числе путем осуществления надлежającego ведомственного контроля. При этом особое внимание уделяется состоянию взаимодействия с правоохранительными и контролирующими органами. Практическое применение критериев оценки будет способствовать более правильному пониманию должностными лицами своих целей и задач в рамках проводимой ими антикоррупционной деятельности и предъявляемых к ним требований, выработке единообразных подходов к противодействию коррупции и экономическим правонарушениям.

Следует отметить, что среди критериев оценки есть такие показатели, как обеспечение гласности в деятельности государственных должностных и приравненных к ним лиц, результаты изучения общественного мнения о распространенности в обществе коррупционных проявлений, уровень доверия населения к сотрудникам конкретного государственного органа (результаты социологических исследований, мониторингов, опросов и т. п., число обоснованных жалоб на действия и решения данного органа). Из этого вытекает целесообразность и необходимость создания в Республике Беларусь системы антикоррупционного мониторинга, который рассматривается в соответствующем модельном законе от 29 ноября 2013 г. № 39-21 для государств – участников СНГ как «научно обоснованная комплексная плановая деятельность уполномоченных субъектов и участников по сбору, обобщению, анализу и оценке информации, касающейся эффективности антикоррупционного законодательства и предпринимаемых государством мер против коррупции, состояния правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции, восприятия и оценки уровня коррупции институтами гражданского общества и гражданами, а также деятельность по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов».

Сейчас сделан лишь первый шаг по реализации критериев оценки эффективности деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями в правоприменительную сферу. Необходимо продолжить работу, в том числе и нормотворческую, по данному направлению антикоррупционной деятельности, а также выработать единые методические рекомендации для всех государственных органов и иных организаций по реализации постановления от 30 декабря 2014 г. № 30/1257/2/260.

УДК 343.214

А.В. Ковальчук

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

«Всякий, кто собирается исследовать ту или иную научную проблему, – говорит доктор юридических наук, профессор Л.Д. Гаухман, – должен всесторонне подумать о предмете своего исследования». Несомненно, предмет исследования, актуализирующий научную проблему, не имеет границ своего познания, ибо в противном случае такая область не смогла бы дальше развиваться. Рассмотрим проблемы уголовного правотворчества и правоприменения применительно к белорусскому уголовному законодательству.

1. *Бланкетность уголовного законодательства.* В УК Республики Беларусь установлено немало количество бланкетных норм (около половины статей), содержащихся в его Особенной части, в которых определяются не все признаки конкретных составов преступлений, поскольку отсутствующие из них раскрыты в других нормативных правовых актах – не уголовных. Такие нормы содержатся, например, в гл. 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних», гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», гл. 26 «Преступления против экологической безопасности и природной среды» и т. д. Для уяснения сущности данной проблемы представляется верным рассматривать ее в двух аспектах – законодательном и правоприменительном. Законодательной проблемой бланкетности является то, что в УК отсутствует основа применения других нормативных правовых актов, ссылки на которые подразумеваются в бланкетных диспозициях УК. Так, очевидно, что применение норм других нормативных правовых актов, точно следуя букве закона, противоречит норме, установленной в ч. 2 ст. 3 УК, где указано, что преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только УК (принцип законности). Указанное положение исключает правомерность применения при определении преступности деяния любых других нормативных правовых актов, помимо УК. Данный пробел, конечно же, нуждается в восполнении. Правоприменительная проблема бланкетности уголовного законодательства состоит в том, что у практических работников часто возникают трудности в отыскании данных законов и иных нормативных

правовых актов, ссылки на которые подразумеваются в бланкетных нормах УК, а также в отслеживании их актуальных редакций на момент совершения общественно-опасного деяния и производства по уголовному делу. Не секрет, что не во всех территориальных подразделениях ОВД, СК республики у практических работников есть доступ к сети Интернет, справочно-правовым системам «КонсультантПлюс», «Эксперт» и т. д.

2. *Нестабильность уголовного законодательства.* Рассматривая данную проблему, следует упомянуть и о нестабильности законодательства, ссылки на которое подразумеваются в бланкетных диспозициях УК. Ярким примером может служить недавно принятый закон от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», внесший более 200 дополнений и изменений в УК, включая криминализацию отдельных деяний. Безусловно, такое положение дел влечет необходимость отслеживания правоприменителем этих изменений, что в некоторых случаях трудно выполнимо. Все это отрицательно влияет на правоприменение (порождает неверную квалификацию деяний) и соблюдение норм права.

3. *Расплывчатость формулировок уголовно-правовых норм.* Проблема состоит в том, что в УК наличествует огромное количество оценочных признаков, которые различно толкуются правоприменителем, что ведет к разному в правоприменительной практике, судебным ошибкам и, как следствие, нарушению прав граждан. Безусловно, уяснение содержания смысла уголовно-правовых норм и единообразное их применение, разрешение различных проблемных вопросов осуществляется правоприменителем за счет обращения к официальному толкованию уголовного закона. Однако не во всех случаях судебное толкование Пленума Верховного суда Республики Беларусь отвечает на возникающие у практика вопросы. Расплывчатые формулировки норм, содержащих такой признак, как «совершение преступления по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы» (п. 9 ч. 1 ст. 64, п. 14 ч. 2 ст. 139, п. 8 ч. 2 ст. 147, ч. 2 ст. 443 УК). Возникает вопрос: что понимать под «какой-либо социальной группой»?

4. *Отсутствие в УК ряда необходимых разъяснительных норм.* Указанная проблема напрямую связана с уже обозначенной расплывчатостью формулировок уголовно-правовых норм. Так, в частности, нуждаются в разъяснении такие словосочетания, как мотивы расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, мотивы вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы; государственный или общественный деятель (ст. 126, 359 УК), экстремистская деятельность (ст. 369² УК), существенный вред правам, свободам и законным интересам (ч. 4 ст. 11, ч. 1 ст. 88¹, ст. 190, 383, 424–426, 455 УК) и т. д., чтобы они были применимы в следственной и судебной практике.

5. *Пробельность и противоречивость уголовно-правовых норм.* Наглядно пробельность выражена в анализе ст. 114¹ УК, в которой закреплено, что лицу, не достигшему 18-летнего возраста ко дню постановления приговора, ограничение свободы назначается без направления в исправительное учреждение открытого типа на срок от шести месяцев до трех лет. Субъектом преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 415 УК «Уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы», может являться лишь лицо, достигшее ко времени его совершения 16-летнего возраста (ст. 27 УК). Очевидно, что лицо в возрасте от 14 до 16 лет, злостно уклоняясь от отбывания назначенного судом наказания в виде ограничения свободы, находится вне поля уголовно-правовой юрисдикции.

Противоречивость уголовно-правовых норм проявляется в сопоставлении принципа равенства граждан перед законом (ч. 3 ст. 3 УК) и статуса неприкосновенности отдельных категорий должностных лиц.

Приведенные положения свидетельствуют о непоследовательности законодательства и правоприменительной практики в борьбе с преступностью, их существование представляется бесспорным, а направления для их разрешения нуждаются в осмыслении посредством фундаментальных и прикладных исследований.

УДК 343.79

Ж.К. Кожантаева

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА ГРАБЕЖА

В уголовно-юридическом анализе каждого уголовного правонарушения объект по мере своей важности занимает первое место среди его прочих структурных элементов. В целом проблемы объекта хищения имущества многообразны, сложны и являются предметом оживленной дискуссии.

Суть объекта преступления в юридической литературе определяется неодинаково. Так, по мнению Л.Д. Гаухмана, объект преступления – это то, на что посягает преступление, т. е. на что оно направлено и чему причиняет или может причинить вред. Н.Ф. Кузнецова же отмечает, что каждое общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрено уголовным законом, посягает на конкретный объект, причиняя ему определенный вред.

Грабеж, как вид преступления, является, одной из форм хищения, т. е. одним из способов и конкретных приемов, посредством которых преступник изымает чужое имущество. Поэтому для характеристики грабежа, в частности его объективных признаков, необходимо сказать несколько слов об общих признаках хищения как понятия, объединяющего уголовные правонарушения против собственности.

В ст. 3 УК РК под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Аналогичное определение понятия хищения дано в постановлении Верховного суда РК от 11 июля 2003 г. «О судебной практике по делам о хищениях». Однако следует отметить, что несколько иное определение хищения было дано в постановлении от 25 июля 1996 г.: «Под хищением чужого имущества понимается незаконное безвозмездное изъятие с ко-